

Оригинални научни рад
Original research article

<https://doi.org/10.18485/folk.2025.10.1.6>

398:303.442.23:[639.111.7+636.7](=161.1)(470+510+517-192.2)"18"

Собака и волк в народной культуре русских российско-китайско-монгольского трансграницья¹

Владимир Л. Кляус

В статье анализируются образы собаки и волка в народной культуре русского населения российско-китайско-монгольского трансграницья на основе материалов, собранных исследователями с середины XIX века. Анализ фольклорных текстов и обрядов (сказки, мифологические рассказы, легенды, устные рассказы, заговоры, магические средства, приметы, поверья и др.) показывает, что представления об этих животных у русских данного региона в целом соотносятся с общеславянскими представлениями и верованиями и дополняет их. Фольклорный и обрядовый материал русского населения трансграницья показывает, что миры собаки и волка как бы не пересекаются, они существуют параллельно друг другу, что является проявлением их культурной противоположности (одни – дикие хищники, способные погубить человека и его скот, а другие – домашние животные и одни из главных помощников и защитников человека) и, возможно, отражает уже утрату связанных с ними архаичных представлений и верований. У монгол, бурят и китайцев, с которыми русские на трансграницье живут по соседству уже не одно столетие, бытуют свои легенды и истории о волках и собаках, единичные из них проникли в репертуар русского населения, но значимого влияния иноэтнических традиций на образы этих животных в народной культуре русских старожилов не обнаружено.

Ключевые слова: собака, волк, народная культура, русские, российско-китайско-монгольское трансграницье.

В настоящей статье речь пойдет о народной культуре русских, проживающих на приграничных территориях России, а именно в

¹ Исследование проведено на средства гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)»

Забайкалье (современные Республика Бурятия и Забайкальский край), а также Китая и Монголии. До событий 1917 года значительная часть приграничных российских земель принадлежала казакам Забайкальского казачьего войска, которые с XVIII века охраняли границу. Но кроме них здесь проживали старообрядцы (семейские), горнозаводские и приписные крестьяне, приисковые рабочие, работающие на многочисленных золотых приисках, а также коренные народы – буряты и тунгусы (эвенки). С конца XIX века в Забайкалье стали появляться китайцы, которых начинали привлекать как трудовой ресурс. Они в основном работали на приисках.

Протяженность границы Забайкальской области России с Цинской империей составляла более двух тысяч вёрст, от верховий Джиды (один из притоков Селенги) на западе до низовий Аргуни на востоке. В 1911 году в Китае произошла Синьхайская революция, Цинская империя прекратила свое существование, и это способствовало обретению Внешней Монголией независимости². Как следствие, Забайкальская область с того времени начала граничить не только с Китаем (на востоке), но и с Монголией (на западе).

Великая российская революция 1917 года и последовавшая после нее Гражданская война 1918-1922 гг. имели самые негативные последствия для России в целом и для Забайкалья в частности. Значительное число забайкальских казаков воевало на стороне Белого движения, и после его поражения, они стали уходить в соседние Монголию и Китай, спасая свои жизни и семьи. Монгольская и китайская приграничные территории жившими на границе русскими были хорошо знакомы. Ввиду малой заселенности монголами и китайцами они были включены в хозяйственную деятельность русских, которые, получая разрешение местных властей, охотились за границей, рыбачили, заготовляли сено, пасли скот и даже растили хлеб. (см.: [Сергеева 2015; Кайгородов 2020]).

В 1920-1930-е гг. в Монголию и Китай ушло десятки тысяч русских, они бежали от политических и религиозных преследований, репрессий, коллективизации, голода. На приграничных территориях появились многочисленные поселения. Потомки русских эмигрантов до сих проживают в этих странах. В численном отношении их больше в Китае (около 5 тысяч человек), но все они – китайско-русскиеmetis, среди которых только представители старшего поколения говорят по-русски. В Монголии русских старожилов меньше (не более

² Окончательно Монголия стала независимой в 1921 году благодаря барону Унгерну, который силами своей Дикой дивизии разбил китайские войска, оккупировавшие Ургу, монгольскую столицу. Летом того же года в стране произошла Народная революция.

1 тысячи), многие из них имеют российское гражданство, сохраняя язык и бытовую русскую культуру, но проживают они в Улан-Баторе, столичном мегаполисе, что негативно сказывается на сохранности традиционной культуры.

Собирание фольклора и обрядовых традиций российско-китайско-монгольского трансграничья началось еще в середине XIX века. Первые наиболее обстоятельные работы по народной культуре забайкальских казаков, живущих в Приаргунье, принадлежат доктору Н. Кашину [Кашин 1858, 1860а, 1860б]. Очень важны материалы К.Д. Логиновского, собранные на рубеже XIX-XX вв. [Логиновский 1899, 1904], В.П. Зиновьева, который изучал фольклор русского населения Восточного Забайкалья в 1970-х гг. [Зиновьев 2019]. Одним из активных современных исследователей является Г.В. Афанасьева-Медведева, подготовившая к изданию уже более тридцати томов «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», содержащего разнообразный фольклорно-этнографический материал, в том числе и из приграничных российских территорий [Афанасьева-Медведева 2007-2024]. Свои полевые исследования по изучению фольклорных и обрядовых традиций русских российско-китайско-монгольского трансграничья я начал еще в 1990-х гг.: в Нерчинско-Заводском районе (1992) и Красночикойском районе (1993) тогда еще Читинской области. С того времени удалось побывать практически во всех приграничных с Китаем и Монголией районах Забайкальского края и отдельных районах Бурятии. В Китае, в районе компактного проживания китайских русских – городском округе Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР, полевые исследования я проводил в 2007-2019 гг. В Монголии – в городах Улан-Батор, Дархан и Дзунхара в 2018-2024 гг. Собранный материал позволяет делать выводы о специфике русской народной культуры российско-китайско-монгольского трансграничья. В забайкальских поселениях, находящихся в приграничье с Китаем и Монголией, бывших русских деревнях Китая и Монголии, носители которой – потомки забайкальских казаков, семейских, приисковых рабочих. При всех своих локальных отличиях русскую народную культуру на данной территории можно рассматривать как единое, формировавшееся, развивавшееся и трансформированное на протяжении почти трех столетий, начиная с XVIII века.

Образы волка и собаки для исследователей русской народной культуры изучаемого региона никогда не были в центре внимания. Возможно потому, что эти два животных для проживающих здесь русских представляются довольно обыденными, они являются частью их повседневности. Одна из целей настоящей статьи – предоставить обзор фольклорного и обрядового материала, начиная с самых первых

фиксаций середины XIX столетия по настоящее время, в том числе по своим собственным полевым записям.

Фундаментальными работами, которые посвящены образам волка и собаки в славянской традиционной культуре, являются труды А.В.Гуры [Гура 1997, 2012]. В нашем случае представляется интересным, насколько фольклорный и обрядовый материал, отражающий отношение к этим животным среди русского населения изучаемого региона, находящегося на периферии славянского мира, соотносится с общеславянским материалом и оказало ли влияние на него соседство с китайцами и монгольскими народами (монголами и бурятами).

У меня нет данных о том, что русские Забайкалья специально использовали собак против волков. Известно, что у монгольских народов когда-то была широко распространена особая порода – хотошо или банхар, которого называют и бурят-монгольским волкодавом, и бурят-монгольской овчаркой. Для монгольских народов, занимавшихся скотоводством, она была незаменимым помощником в охране от волков многотысячных табунов лошадей и баранов. В XX столетии эта порода почти исчезла, в настоящее время в Бурятии и Монголии ее возрождают.

Для русских старожилов Забайкалья главной функцией собаки была помощь в охоте на пушного зверя и на медведя. Издавна высоко ценились собаки, способные выследить белку, соболя или изюбря, и особенно те, которые могли защитить охотника от медведя, самого серьезного зверя забайкальской тайги, таких нередко называли медвежатниками (см. [Афанасьева-Медведева 28: 259-260]).

В 1992 году, в одной из своих первых экспедиций в Красночикойский район Читинской области в селе Укыр, находящемся недалеко от границы с Монголией, я столкнулся со своеобразным отношением к охотничьям собакам, выражавшемся, в частности, в том, что дома их вообще не кормили. Объяснили это необходимостью не приучать собак к сырой жизни в селе. И нужно было видеть, какую радость собаки выражают, когда их хозяин собирается на охоту, именно там они могли рассчитывать на то, что их вдоволь накормят. В селе же они сами должны были обеспечить себя пропитанием. Примечательно, что ни домашней птицы, ни маленьких поросят собаки не трогали. Их отучали нападать на домашнюю живность с первых месяцев жизни и довольно жестоко: на шею «провинившегося» щенка привязывали деревянную колодку, наподобие тех, которые надевали в средневековые времена на преступников.

Отношение к собакам было сугубо утилитарным, хозяева в первую очередь оценивали промысловые качества своих питомцев. Тем

не менее, любопытны наблюдения, которые я услышал совершенно недавно, в 2024 году, от жителя села Урлук Красночикойского района Забайкальского края, что характер собак повторяет характер хозяина. Если тот злой или глуповат, не воспитан, то и собаки его такие же. Если же он добр, открыт к людям, готов помочь, то и его собаки отличаются тем же, вплоть до того, что совершенно спокойно могут пропустить чужого человека, если ему по какой-то надобности и с ведома хозяина, которого рядом нет, требуется пройти во двор и что-то взять.

Волк в устных рассказах русских российско-китайско-монгольского трансграничья описывается как опасное животное. Встреча со стаей волков в лесу или в степи не обещает ничего хорошего, особенно зимой, когда кормовая база этого животного очень сужается. При определенных обстоятельствах волки не побоятся напасть на одинокого путника, и я не раз записывал рассказы о том, как кому-то не удалось или наоборот удалось спастись от волков при поездке в соседнюю деревню, в лес и проч.

Устные рассказы являются одним из жанров фольклора, обладающего определенным набором признаков. Понятно, что они в значительной степени основаны на реально произошедших событиях, поэтому я не буду подробно останавливаться на них за исключением тех случаев, в которых могут проявляться особые качества собаки и волка. Основное внимание будет уделено таким традиционным жанрам фольклора как заговорно-заклинательные тексты, легенды, мифологические рассказы, рассказы о сновидениях, различные поверья и представления. И как неожиданно выяснилось, образы собаки и волка встречаются в немногочисленных, но все же в довольно разнообразных в жанровом отношении фольклорных текстах, записанных от русских Забайкалья, Монголии и Северного Китая, территории, обозначаемой мной как российско-китайско-монгольское трансграничье.

Из своего рассмотрения я исключаю сказочный фольклор. Сказочная фантастика имеет особую природу, и здесь нет возможности ее обсуждать. Единственное, что замечу – волк в народных сказках встречается чаще, чем собака. Он один из излюбленных персонажей русского сказочного фольклора, что хорошо видно и на примере текстов, записанных на российско-китайско-монгольском трансграничье (см.: [Зиновьев 2019; Кляус 2022]). В сказках о животных волку даются обычные для русской традиции характеристики – жестокий, жадный и простоватый, которого можно обмануть, обхитрить и погубить. В волшебных сказках он нередко помощник главного героя.

Волк

Волк – один из самых опасных хищников российско-китайско-монгольского трансграничья. Страшнее людям было, пожалуй, только повстречаться с медведем, но в степных зонах этого региона медведь не обитает. Нет необходимости приводить примеры разных рассказов о гибели человека от волков или спасении от них. Стоит обратить внимание на различные средства, которые помогают защититься от волка. Вполне разумно использовать против него огонь, но довольно странным является предложение такого средства, как веревка. Рассказывают, что зимой, если куда-то выезжаешь на лошадях, запряженных в сани, обязательно нужно, чтобы сзади болталась веревка. Якобы волки, которые могут напасть и начнут преследование, дальше нее не побегут. Об этом мне сообщил один из потомков забайкальских казаков, родившийся в станице Драгоценская в Китае, но сейчас живущего в Сиднее (Австралия. ФК ИМЛИ)³. Похожий способ, чтобы не встретить волка в пути, существовал и у южных славян: нужно снять пояс и волочить его за собой, чтобы волк думал – это ловушка [Гура 1997: 150].

Веревка из конского волоса в качестве оберега от волков фигурирует в сообщении другого потомка забайкальских казаков из п. Верх-Кули (Трехречье, Китай), но живущего сейчас в с. Песчаное (Павлодарская область, Казахстан. ФК ИМЛИ). Такую веревку нужно было положить вокруг балагана, который устанавливали в поле во время сенокоса. «Волки и змеи не подходят», – утверждал мой собеседник.

Подобное поведение волка, выглядит иррационально и даже глупо. Вместе с тем, сложно поверить и в обратное, когда он проявляет большую хитрость. От одного из своих респондентов я услышал о том, что волк может прятаться за колючку перекати-поле, пытаясь подобраться к барану и схватить его:

Вот раньше вот эта в Монголии, эта волк, если в табун, бараный табун. Он, значит, в рот примят эту [колючку] и бежит в табун. Но бараны не видят, трава как жа, оно же [перекати-]поле широко, и вот споймат барана.

(с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай. ФК ИМЛИ).

³ Здесь и далее в скобках указывается место записи. В случае если материал взят из опубликованного источника, то на него дается ссылка. ФК ИМЛИ – записи автора, хранящиеся в Фольклорной коллекции Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Как и у других групп русских, у забайкальцев существовали когда-то и специальные заговоры от волков. К примеру, отпуски на выгон скота функционально должны были защитить домашних животных от нападения хищников, и, прежде всего, от волков (см.: [Логиновский 1904: 104]). От волков скот еще и «зalamывали», т.е. защищали его с помощью заговора, который произносили на специально заломленную траву (с. Шара Александро-Заводского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Чтобы волк не давил скотину, в Великий Четверг в ворота зарывали нож и гнали через него животных [Логиновский 1904: 21].

Волк представлял опасность и для охотника. Именно поэтому он упоминается в одном из заговоров на охоту: Господа просят сохранить от него человека [Логиновский 1904: 115]. С другой стороны, волк наряду с другими животными для охотника был одним из объектов охоты, что отмечено в одном из заговоров на удачу в промысле (Донинская станица Нерчинского округа Забайкальской области, Россия [Логиновский 1904: 117]).

Заговор «от укуса бешеной собаки» в собрании К.Д. Логиновского предваряется следующим замечанием собирателя: «От укуса бешеными собаками или волками пытаются излечить больного заговором-молитвой», в нем волк назван «зверем» (Новотроицкая станица Нерчинского округа Забайкальской области, Россия [Логиновский 1904: 129]). В случае с бешенством и собака, и волк в одинаковой степени опасны для человека и скотины, здесь оба животных объединены и противопоставлены миру человека.

Согласно одному из мифологических рассказов, колдовка во время проверки своего ученика принимала образы различных животных – медведя, волка и гадюки (с. Знаменка Нерчинского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 468]). Оборачиваться в волка колдовка могла после того, как покатается на зубьях бороньи (с. Менза Красночикойского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Близки к оборотничеству «случай», когда человека превращают в волка. Колдун такую шутку мог проделать с участниками свадебного поезда [Логиновский 1899: 56]. В волка был обращен молодой человек, который хотел заработать денег себе на свадьбу. Он жил в лесу, а зимой приходил на завалинку дома и его подкармливала родная мать, видимо, знаявшая, что этот волк является ее родным сыном. Рассказывают, что так продолжалось несколько лет (с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 531-532]. Такие рассказы иллюстрируют выявленную А.В. Гурой в образе волка брачную символику, в данном случае – соотнесенность волка с женихом [Гура 1997: 125-128].

Волки, нападая на скот, могли быть орудием в руках колдовок. К примеру, их насылали вешицы (с. Средняя Борзя Калганского района Забайкальского края; г. Нерчинск Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 477]). В то же время волки, как говорят, никогда не нападали на жеребят в тех местах, где проползал Большой Змей (Полоз), один из самых загадочных мифологических персонажей⁴, о котором рассказывают русские российско-китайско-монгольского трансграничья (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай [Кляус 2022: 166, № 190]).

Образ «хорошего» волка по отношению к человеку также встречается в русском фольклоре изучаемого региона. К примеру, была записана история о том, как вырастили волчонка, которого назвали Мишка. Он стал взрослым и убежал в лес. Однажды его бывшая хозяйка пошла за грибами, на нее напала стая волков, но Мишка спас (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай. ФК ИМЛИ). Данный устный рассказ отличается от всех остальных необычностью взаимоотношений человека и волка. Подобного рода истории, возможно, имеют под собой какую-то реальную основу, но все же больше напоминают фольклорное повествование с большой долей вымысла.

Существуют приметы, связанные с волками. К примеру, если волк приснится, то это к конфликту с начальством (с. Доно Калганского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Здесь нужно заметить, что в русском магическом фольклоре хорошо известны заговоры от начальства, в которых заговаривающий, чтобы оградить от себя его гнев, «оборачивается» для него волком. Были записаны они и от русских российско-китайско-монгольского трансграничья, а именно заговорный текст «Я волк, я волк – вы мои дети. Я кричу – вы молчите», который нужно произносить при входе в помещение, где сидит начальник [Кляус 2022: 333-334].

У русских Забайкалья существует несколько поверий, связанных с волками. Так говорят, что если в январе сыграть свадьбу, то молодые будут ругаться между собой. Объясняют тем, что в этом месяце спариваются волки (с. Бори Сретенского района Забайкальского края, Россия [Афанасьева-Медведева 2: 382]). А.В. Гура приводит разные названия т.н. «волчьей свадьбы» у славянских народов, которая, как он пишет, выпадает на Рождественский пост, указывая лишь, что у русских это является приметой прихода зимы [Гура 1997: 132-133]. Забайкальский материал дополняет общеславянские представления о «волчьей свадьбе» в плане брачно-эротической символики. Возможно, с периодом «волчьей свадьбы» связано и другое забайкальское поверье: если в Рождественский сочельник хозяин будет спасть с

⁴ О Полозе см.: [Балкуте, Кляус, 2014].

женой, то у него волки задушат жеребенка [Логиновский 1904: 22]. Оно является вариантом запрета, когда-то бытавшего в Купянском уезде Харьковской губ.: «в последнюю ночь мясопусной недели муж не должен спать с женой, иначе волки поедят у них всех поросят» [Гура 1997: 141-142].

В завершении упомяну о знамении, в котором волки сыграли когда-то основную роль. От одной пожилой женщины в с. Кадая Калганского района Забайкальского края в 2015 году я услышал о том, что в начале 1940-х гг. к ним в деревню стали часто заходить волки. По ее словам, это было предвестием Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Как заметила моя собеседница, сейчас происходит «тоже самое». О том, что множество волков предвещало войну, верили не только у русских проживающих в других регионах России, в частности на Вологодчине, но и у южных славян, а именно в Македонии (см.: [Гура 1997: 156]).

Собака

Собака по представлениям русских изучаемого региона может быть опасной для человека и наоборот – защищать его от злых сил и приносить удачу.

Повсеместно рассказывают о том, что беременной женщине нельзя пинать собаку, так как ребенок рождается с волосами (с. Доно Калганского района Забайкальского края, Россия; г. Улан-Батор, Монголия. ФК ИМЛИ).

Один из самых тяжелых испугов, который может получить человек, и особенно ребенок – от собаки. Мои респонденты говорили, что такой испуг трудно лечить, объясняя это тем, что собачья шерсть очень легкая (с. Попирай городского округа Эргуна, Китай. ФК ИМЛИ).

Собачий укус лечили по принципу «подобное подобным»: собаки, укусившей человека, нужно было срезать шерсть, сжечь ее и обмазывать место укуса получившимся пеплом (с. Аргунск Нерчинско-Заводского района, с. Средняя Борзя Калганского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Собачий испуг также лечили заговорами (с. Энхэ городского округа Эргуна, Китай. [Кляус 2022: 326, № 432]).

Были и специальные заговоры от собак. Вот один из них:

*Вот собака если зла есть, на кусочек пошепчи...
[На какой? На любой? — Соб.]*

Ну, да, на хлеб. «Ты, собака, родилась слепа, а я – нага. Не тронь меня, не кусай меня, мы с тобой друзья». И брось [хлеб собаке].

(с. Дамосово Нерчинско-Заводского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ).

От русских российско-китайско-монгольского трансграничья было зафиксировано довольно много мифологических рассказов, в которых фигурирует собака-оборотень, что в целом соответствует славянскому материалу (см.: [Гура 2012: 94]).

Забайкальские казаки, живущие на границе, верили, что собакой может показаться сам черт. Поэтому во время грозы нужно гнать собаку от себя. Если вдруг это не собака, а сам черт, ищущий защиты у человека, то Господь будет пытаться убить его молнией, и тот человек, который окажется рядом, погибнет [Логиновский 1904: 11].

В собаку могла превращаться колдовка, в этом образе она бегала по дворам деревни и портила скот, он погибал (г. Улан-Батор, Монголия. ФК ИМЛИ). Еще в одной быличке, также записанной в Монголии, колдовка, обернувшаяся в собаку, забежала в дом и лаяла на иконы (г. Улан-Батор. ФК ИМЛИ).

Другие «истории»: мать-колдовка не хотела, чтобы ее сын дружил с девушкой, она обличивалась собакой, прибегала туда, где они сидели по вечерам, и лаяла на них (г. Нерчинск Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 452-453]; колдовка в Великий Четверг обличивалась собакой (с. Бурукан и Курумдюкан Газимуро-Заводского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 455-456, 467]). Рассказывают, что колдовок изобличают тем, что специально ранят животное и на утро обнаруживают, что женщина больна. В большую белую собаку мог обращаться старик, который многое знал, а потому нередко его приглашали дружкой на свадьбу (г. Нерчинск Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 480]). Неожиданное появление собаки в необычном месте объяснялось рассказчиками тем, что это – собака-оборотень (с. Знаменка Нерчинского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 480-481]).

В одном мифологическом рассказе женщина-вещица, намазавшись специальной мазью, улетела на встречу с подобными ей. Супруг, подглядев за женой, тоже мажется мазью и оказывается на шабаше ведьм. Вещица пытается предотвратить разглашение ее тайной сущности и превращает мужа в пса. В том, что этот пес является на самом деле человеком, узнает бабушка-знахарка, она и возвращает мужчине его прежний облик (с. Кадая Калганского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Человека в собаку может

превращать леший. Это случилось с женщиной, которая жила у лесного хозяина. От обычных собак она отличалась тем, что у нее глаза горели разным огнем (с. Молодовск Сретенского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 358-359]).

Несколько особняком в фольклоре русских Забайкалья стоят истории о сексуальных взаимоотношениях собаки и женщины. Вероятно, их основой являются также представления о псах-оборотнях и женщинах-колдовках. Но они довольно поздние в том смысле, что их героями являются члены офицерских семей, жившие в закрытых воинских городках. Ситуация однотипная: муж офицер и жена домохозяйка, у них есть дома кобель крупной породы; возвратившись однажды пораньше со службы домой, муж обнаруживает, что жена и пес занимаются сексом; из табельного пистолета муж убивает животное, а с женой разводится (с. Тайна Газимуро-Заводского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ).

В образе собаки может показаться давно умерший человек. В быличке про двух мужчин, которые ничего не добыли на охоте, рассказывается – возвращаясь домой, они увидели собаку и решили в нее выстрелить. Неожиданно собака исчезла, а на том месте, где она стояла, оказалась могила. «И ставо оне и охотиться не стали», – сообщил рассказчик (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай. [Кляус 2022: 92, № 42]). О поверье, что мертвцы ходят в образе черной собаки, слышал еще К.Д. Логиновский (Хобухаевская станица Забайкальской области, Россия [Логиновский 1904: 15]).

Собака показывается или слышно, как она лает в доме, в котором «чудится», т.е. происходят всякие непонятные вещи по причине порчи или насильственной смерти прежних хозяев (г. Улан-Батор, Монголия; с. Курумдюкан Газимуро-Заводского района, Россия [Зиновьев 2019, 1: 395-396]; с. Знаменка Нерчинского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 547-548]). Собака может почудиться и в бане: однажды она «помаячала» – выскочила из-под полка и сказала находящейся там женщине: «Лезь мне в пасть!» Спасли женщину тем, что успели надеть на нее крестик (с. Крупянка Нерчинского района Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 2: 359]).

Из услышанных мной устных рассказах о собаках, я бы выделил историю про Пальму, жившую когда-то у родителей моего респондента. Происходило это в Монголии в 1930-е гг. в одной из русских деревень. Уходя на работу, взрослые оставляли на нее детей, как на няньку. Однажды собака принесла котелок с углем, когда «услышала» разговор о том, что нечем топить печь. В другой раз принесла стегно мяса, когда хозяева голодали, в холодное время откуда-то притащила меховое

дели (вид монгольской одежды) (г. Улан-Батор, Монголия. ФК ИМЛИ). Рассказ имеет характер семейного предания о собаке, которая помогала своим хозяевам в трудные времена.

Образ собаки-спасительницы является центральным в легенде о хлебном колосе: люди сейчас едят «собачий хлеб», так как когда-то Господь наказал человечество за непочтительное отношение к хлебу, которого было много – колос рос от земли. Господь наслал голод, и только собака выпросила у него «новый хлеб» с небольшим колоском. Данный сюжет подробно проанализирован в монографии О.В. Беловой «“Народная библия”: восточнославянские этиологические легенды» [Белова 2004: 441-497]. Он хорошо известен русским, живущим в Забайкалье (см. [Афанасьева-Медведева 7: 456-457; 29: 284] и в Китае [Кляус 2022: 207-209, № 244-250]), в 2024 году вариант легенды удалось записать от русских старожилов Монголии (ФК ИМЛИ).

Необычна функция собак на золотых приисках. Вообще, необходимо сказать, что изучением приискового фольклора российско-китайско-монгольского трансграничья занимались мало. Тем ценнее каждое подобное свидетельство. Оказывается, среди золотодобытчиков бытует примета – если человек погибает при геологоразведке, значит на этом месте много золота. Именно поэтому, по сообщению моего респондента, русские в партиях всегда специально держат собак, которые периодически погибают, предотвращая тем самым гибель людей, перетягивая на себя смерть, которое несет золото. Собака здесь фактически представляет собой жертвенное животное (г. Улан-Батор, Монголия. ФК ИМЛИ).

Согласно некоторыми мифологическим рассказам, собаки чувствуют, что от определенного человека исходит зло. К примеру, по одной из быличек, старуха забрала коровий послед и в хозяйстве перестали водиться телята. Хозяйская собака очень не любила эту старуху, всегда пыталась наброситься на нее (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай [Кляус 2022: 116-117, № 93]). Согласно другой истории в одном из домов постоянно чудилось, хозяева не могли там нормально жить и пытались выяснить, почему так происходит. Помогла собака: она нашла на дворе зарытую в землю косу китайца. Ее сожгли в печке, и все нормализовалось (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай [Кляус 2022: 11-112, № 83]). Собака выгнала дух хорька, который вселился в женщину (с. Энъхэ городского округа Эргуна, Китай [Кляус 2022: 186-187, № 232]).

По одному из рассказов, собака пыталась защитить своего хозяина от колдуна, который долго не мог умереть. Чтобы не подвергнуть себя опасности его родные ушли из дома, и туда неожиданно пришел

знакомый из соседней деревни. Умирающий колдун соскочил с лавки и погнался за мужчиной, его собака сцепилась с колдуном, но тот разорвал ее надвое (г. Нерчинск Читинской области, Россия [Зиновьев 2019, 1: 550-551]). В этом случае, как советуют, нужно накинуть на собаку крест, мертвец зацепится за него, и тогда собака сможет его разорвать (Куликовская станица Забайкальской области, Россия [Логиновский 1904: 15]). Поверья о собаках, способных видеть и отпугивать нечистую силу, ведьм и даже смерть, являются общеславянскими [Гура 2012: 94].

Но собаки бывают и бессильны против колдовок, что особенно подчеркивает магическую силу последних. К примеру, в одном из мифологических рассказов собаки не могли «взять», т.е. укусить свинью, в которую оборотилась колдовка. История эта произошла в с. Верх-Кули, входившем в Драгоценскую станицу Трехречья в Китая, но записана она была от потомков забайкальских казаков в Сиднее (Австралия. ФК ИМЛИ).

Собака является представителем животного мира и одновременно входит в мир человеческой культуры, занимая пограничное положение. Именно поэтому собаке дозволено поедать обрядовую пищу. К примеру, в Забайкалье старое пасхальное яйцо, пролежавшее год возле икон, могли отдать собаке (с. Зерен Газимуро-Заводского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). Хлеб, пролежавший после смерти человека 40 дней на стакане с водкой, также скармливали собаке (с. Чингельтуй Калганского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). С этим можно сопоставить традицию угощения собак освященным хлебом, существовавшем в Польше, хотя в восточнославянских традициях (в Закарпатье, на Полтавщине и Житомирщине) это было запрещено, так как животное могло ослепнуть, сдохнуть или одичать [Гура 2012: 94].

Интересен в данном отношении рассказ о том, как, однажды, согласно местной традиции, умершему в карман его одежды должны были положить специально приготовленный кусочек хлеба. Женщина, от которой была записана история, не успела этого сделать, и хлеб нечаянно отдали собаке. После она весь день просилась в дом и скулила под дверью. Лама, к которому обратилась рассказчица за разъяснением, сказал, что в собаке была душа умершего мальчика, ее внука, и действительно нужно было дать ей хлеба, она была голодная, как и ребенок перед смертью (с. Абагайтуй Забайкальского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ).

Собак использовали при гаданиях. Так, девушка на Крещение должна была выйти на дорогу, лечь на нее и ждать, с какой стороны полает собака – с той и будет муж (с. Верхний Шаранай Оловянинского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ; см. также [Логиновский

1902: 188]). Собаку при ворожбе на святки завязывали в платок, крутили, а потом отпускали и смотрели, куда она убежит и с какой стороны залает (с. Кунгара Газимуро-Заводского района Забайкальского края, Россия [Афанасьева-Медведева 8: 251]). Также на святки девушки могли сварить позvonки от хребта коровы, положить их перед собой и запустить в дом собаку: у какой девушки она первой схватит, та первой и выйдет замуж в текущем году [Логиновский 1902: 189].

Существует поверье, что если собака укусит во сне, то это к скорой свадьбе (с. Чингельтуй Калганского района Забайкальского края, Россия. ФК ИМЛИ). А вот если на свадьбе в дом забегут две собаки и начнут драться, то это предвещает, что жених и невеста скоро разойдутся (с. Аксёново-Зиловское Чернышевского района Забайкальского края, Россия [Афанасьева-Медведева 7: 329]). Одна из примет на погоду: если собаки играют, то якобы скоро пойдет снег [Логиновский 1904: 28].

Части тела собак русские забайкальцы использовали в магических целях. К примеру, парни, когда хотели присушить девушку, пытались накормить ее половыми органами сучки [Логиновский 1899: II]. В народной медицине применяли порошок из пережженной собачьей головы. Им лечили раны, а винный настой на этом порошке, по мнению приаргунских казаков, помогал от лихорадки [Кашин 1860b: 136].

От китайских русских мной был записан рассказ о собаке, которую попытались убить, содрали с нее шкуру, но она ожила и пришла домой «голая». Собака, по мнению ее хозяина, стала предвестником несчастья. После этого, как рассказала моя собеседница, началась война с японцами, хозяин собаки прятался от русских солдат, но, в конце концов, куда-то пропал (с. Попирай городского округа Эргуна, Китай. ФК ИМЛИ. Фрагмент текста опубликован [Кляус 2022: 634-635]). Не совсем понятно относительно хозяина собаки, то ли он был китайско-русским метисом, то ли китайцем (один раз его называют «полукровцем», другой раз – «китайцем»). Не сообщила рассказчица и о том, кто снял шкуру с фактически живой собаки. Скорее всего, она просто не знала этого.

В славянских этиологических легендах говорится о том, что сначала собака была голой, лишь потом она обрела шерсть (см.: [Белова, Кабакова 2014: 127-129]). Появление живой голой собаки могло пониматься как предвестие последних времен, одной из главных примет которых является война.

Обобщая наблюдения, необходимо сказать о том, что мир собаки и мир волка в представлениях русских российско-китайско-монгольского трансграничья как бы существуют параллельно друг другу. Эти два животных, являющиеся культурными противоположностями, в представлениях русского населения изучаемого региона друг с другом не сопоставляются. Примеров их «символического соответствия», о котором пишет А.В. Гура [Гура 2012: 94], не обнаружено, что может свидетельствовать о затухании связанных с ними мифопоэтических представлений. Я пока могу привести только один пример проявления между ними антагонизма, который нашел отражение в народной медицине. У русских изучаемого региона, как и в других регионах России, известна кожная болезнь под названием «сучье вымя», научное название – гидраденит. Народное наименование болезнь получила потому, что воспалительные очаги, появляющиеся в подмышках, похожи на соски собак. Лечили следующим образом: мазали пораженные участки кожи сметаной и давали ее слизывать собаке (с. Курунзулай Борзинского района Забайкальского края, Россия [Афанасьева-Медведева 9: 364]). Здесь, конечно, имеет место представление о том, что слюна собаки обладает антисептическими свойствами, но главное – используется магия подобия. Примечательно, что в российско-китайско-монгольском трансграничье зафиксировано другое название болезни – «волчья титька». Лечится она точно также (с. Оликан Нерчинского района Забайкальского края, Россия [Афанасьева-Медведева 8: 164]). Участие собаки в лечении «волчьей титьки», которая как бы поедает болезнь, в этом случае может пониматься уже как отражение антагонистических отношений между собакой и волком в реальном мире.

В нижеследующей таблице резюмируются представления о собаках и волках по фольклорным текстам, приметам, поверьям и обрядовым практикам, зафиксированным от русских российско-китайско-монгольского трансграничья. Как видим, и для домашней собаки, и дикого волка можно выделить как отрицательные, так и положительные черты. При этом примеры, где волк помогает человеку – это единичные тексты.

В каждой группе встречаются как уникальные мотивы и сюжеты, так и общие для двух животных, при этом один из общих мотивов, а именно оборотничество, попадает в разные категории: если для собаки оно всегда со знаком «минус», то для волка оно может быть и со знаком «плюс», в том смысле, что «оборотничество» в волка помогает заговаривающему получить благосклонность начальства.

	СОБАКА	ВОЛК
(-)	<i>Собака может испугать и испортить</i>	
	Бешеная собака может укусить человека и скотину	Бешенный волк может укусить человека и скотину
	Заговоры и магия от собак	Заговоры и магия от волков
	<i>Мифологический персонаж в образе собаки</i>	
	Собака-оборотень	Волк-оборотень
	Человека превращают в собаку	Человека превращают в волка
	<i>Сексуальные отношения женщины с собакой</i>	
		<i>Волк нападает на человека и скотину</i>
		<i>Колдовка напускает волков на домашнюю скотину</i>
(+)	Собака спасительница	Волк спаситель
	<i>Собака помогает от порчи</i>	
	<i>Собака как жертвенное животное</i>	
	<i>Собака и обрядовая еда</i>	
	<i>Использование частей собачьего тела в магии и народной медицине</i>	
	Собака предвещает будущее	Волк предвещает будущее
		<i>«Оборотничество» в волка (в заговорах на начальство)</i>

Понятно, что ячейки составленной таблицы могут быть уточнены при появлении нового материала (подчеркну, что он относится только к изучаемому региону), тем не менее, она дает наглядное представление о существовании у русских российско-китайско-монгольского

трансграничья сложного комплекса представлений об этих двух животных, в котором собаке приписывается больше положительных качеств, чем волку. Данная таблица наглядно подтверждает мнение исследователей, что «собака – животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой» [Гура 2012: 93], чего нельзя сказать о волке, определяющим символическим признаком которого является «чужой» [Гура 1997: 157].

Русские российско-китайско-монгольского трансграничья с начала своего появления на данной территории в XVII веке тесно контактировали с монгольскими народами (монголами и бурятами), тунгусами и китайцами. Можно было бы ожидать существенного влияния этих народов на представления русского населения региона о собаках и волках, особенно среди проживающих непосредственно в Монголии и в Китае.

В настоящей статье нет возможности подробно останавливаться на образе собаки и волка в культуре монгол, бурят и китайцев. Отмечу лишь наиболее характерные моменты.

Об особом отношении китайцев к волкам от своих респондентов из китайских русских я не слышал, но вот русские старожилы Монголии хорошо знают, что монголы почитают волков, считают их своими предками. В «Сокровенном сказании монголов» упомянут легендарный родоначальник всех монголов и предок Чингисхана – Бортэ чоно (Серый Волк). В современной Монголии, в которой после 1990-х гг. произошло возрождение культа Чингисхана, волков также почитают. По словам одного из русских старожилов, живущего в г. Дархане, это, в частности, проявляется в том, что, убив волка, монголы возят его напоказ на крыше машины (ФК ИМЛИ). Монгольская народная пословица гласит – волка увидит тот, у кого с волком одинаковая удача, а добудет тот, у кого удача выше волчьей. Здесь нужно понимать, что при общем почитании волков, тем не менее, монголы охотятся на них, в настоящее время нередко незаконно. Причины две – защита поголовья скота и высокие цены на тушу зверя, из частей которого в соседнем Китае, точнее во Внутренней Монголии КНР, изготавливают различные лечебные снадобья и обереги из клыков. Но в целом монгольские представления (см. [Липец 1981; Носова, Носова]) не повлияли на представления русских об этом хищном звере.

Что касается собак, то, как говорят мои русские респонденты, китайцы и монголы в быту к ним относятся весьма плохо: якобы их не кормят, бьют без причины, издеваются и т.д. Подобное отношение вызывает со стороны русских возмущение. Стоит упомянуть, что у монгол собаки не так давно играли функцию животных, участвующих

в погребении. Известно, что монголы умершего человека вывозили в специально отведенные места, в т.н. «долины смерти» или в степь: тело привязывали к коню, где оно падало, там и оставалось. Как отмечают многие путешественники XIX – начала XX вв., возле Урги (в настоящее время Улан-Батор) стаи собак-людоедов участвовали в поедании трупов наравне с хищными птицами. Они были очень злобными и представляли большую угрозу для одиноких путников. В то же время нельзя не отметить, что собака является одним из животных восточного календаря, куда небесное божество (Нефритовый император, Будда, Хурмата и др.), согласно легенде, включил ее из-за преданности и служению человеку.

Все это указывает на определенные отличия образа собаки в культуре русских, как одного из славянских народов, и в культуре их иноэтнических соседей по российско-китайско-монгольскому трансграничью. Но можно указать и на ряд типологически схожих черт. К примеру, поверье о том, что собаки способны видеть нечистую силу, демонические персонажи способны обернуться в собаку и др. Стоит отметить, что сюжет легенды о собачьем хлебе, упомянутый мной выше, также известен монголам [Потанин 1883: 352-353], бурятам [Хангалов 1890] и китайцам [Рифтин, Хасанова, Юсупова 2013: 241-242].

Соседство русских российско-китайско-монгольского трансграничья на протяжении минимум трех столетий с монголами, бурятами, тунгусами и китайцами, контакты с ними, в том числе и на культурном уровне, должно было оказать влияние на их представления о собаке и волке. Но пока можно указать лишь на один пример заимствования. Он обнаружен в китайском по происхождению мифологическом рассказе о том, как лисица вселилась в человека. Культура китайских русских складывалась на пересечении двух традиций – русской материнской и отцовской китайской, и данный сюжет к ним пришел из китайского фольклора (см. [Кляус 2017]).

Как сообщил респондент, все произошло в п. Сиратуй, который находится на берегу пограничной Аргуни, напротив российского села Староцурухайтуй. Лисица вселилась в дедушку-китайца после того, как русско-китайский метис Семен Аксенов убил ее лисят. Отец рассказчицы, тоже китайский русский, пошел проводить больного старика, но, когда он зашел во двор, на него набросилась и укусила собака хозяина. Китаец, в которого вселилась лисица, до этого показывал на собаку и говорил: «Сейчас мы отомстим Аксенову!» Собаку тут же убили, и сразу после этого ее хозяин-китаец «выздоровел» – т.е. дух лисы вышел из него. Старик-китаец даже попросил прощения у отца рассказчицы, так как

собака должна была укусить не его, а другого (г. Лабдарин городского округа Эргуна, Китай [Кляус 2022: 184-185, № 229]).

Собственно русских рассказов о том, что колдун, ведьма или какой-то другой мифологический персонаж натравил на человека собаку, мне не известно. В русской картине мира, при всей амбивалентности образа собаки, это животное является защитником человека от демонических сил, а не орудием в их руках. Интересно, что исследователи, анализируя китайские паремии, указывают, что, китайцы присваивают собаке такие качества, как злость, подлость, глупость, корысть, неискренность (см.: [Носов, Носова]). Различные негативные качества собаки (жестокость, агрессивность, подлость, чревоугодие, всеядность и др.) нашли отражение и в бурятском фольклоре [Бадмаев 2023: 37]. Можно предположить, что поведение собаки из приведенной выше истории лежит в логике подобных представлений об этом домашнем животном.

Материал, собранный исследователями на российско-китайско-монгольском трансграничье, показывает, что образы собаки и волка в народной культуре русского старожильческого населения данного региона в полной мере соответствуют общеславянской традиции. Подавляющее большинство зафиксированных представлений и верований, связанных с этими животными, сходны с теми, бытование которых известно в различных регионах Европейской части России, Украины, Белоруссии, у юнославянских и западнославянских народов. Обнаруживаются лишь единичные уникальные поверья – к примеру, необходимость держать собак при поиске золота в качестве «жертвенного» животного. Уникальными для русской фольклорной традиции являются мотив сексуальных взаимоотношений между женщиной и псом, мотив использования мифологическим персонажем собаки против человека, которые зафиксированы в рассказах русского старожильческого населения трансграничья. Изучение их истоков является отдельной научной задачей.

Литература и источники

- Афанасьева-Медведева Г. В. (2007-2024). *Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири*. Тт. 1-30. Иркутск, 2007-2024.
- Бадмаев А. А. (2023). Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2023. № 49. С. 30-43.
- Балкуте Р., Кляус В. Л. (2014). Рассказы о Большом Змее в Литве и в Забайкалье (Король змей и Полоз): опыт сопоставительного анализа сюжетики. *Балты и славяне: пересечения духовных культур*. Vilnius, 2014. Р. 374-382.

- Белова О. В. (сост.) (2004). «Народная библия»: восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.
- Белова О. В., Кабакова Г. И. (сост.) (2014). У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М., 2014.
- Гура А. В. (1997). Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гура А. В. (2012). Собака. Этнолингвистический словарь в 5-и томах. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 93-95.
- Зиновьев В. П. (2019). Русский фольклор Восточной Сибири. В 2-х книгах. Иркутск, 2019.
- Кайгородов А. М. (2020). Потерянная земля (историко-этнографический очерк). Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 160-176.
- Кашин Н. И. (1858). Празднества и забавы приаргунцев. Вестник РГО. СПб., 1858. Ч. XXIV. Кн. Х. Отд. V. С. 7-24.
- Кашин Н. И. (1860а). Свадебные обычаи приаргунцев. Вестник РГО. СПб., 1860. Ч. XXX. С. 147-182.
- Кашин Н. И. (1860б). Домашние средства, употребляемые жителями при Аргунского края при лечении болезней и народные врачи приаргунцев. Вестник РГО. СПб., 1860. Ч. XXX. С. 121-145.
- Кляус В. Л. (2017). Может ли «китайский» хорёк вселиться в русского человека? К проблеме трансформации китайских рассказов в фольклорной традиции метисов Трёхречья, КНР. Мир животных в мифопоэтическом ракурсе. М., С. 268-272.
- Кляус В. Л. (2022). Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М. (Фольклорное наследие. Т. 1).
- Липец Р. С. (1981). «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях). Советская этнография. № 1. С. 121-134.
- Логиновский К. Д. (1899). Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. 5. Вып. 2. Хабаровск, 1-94.
- Логиновский К. Д. (1902). О быте казаков Восточного Забайкалья. Живая старина. 1902, Вып. 2. Кн. XLVI. С. 182-200
- Логиновский К. Д. (1904). Материалы к этнографии забайкальских казаков. Записки Общества изучения Амурского края. Т. 9. Вып. 1. Владивосток, 1904.
- Носова Е. А., Носова М. А. Сравнительный анализ характерных черт монгольского и китайского народов по их отношению к волкам. Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/5235> (дата обращения: 14. 01. 2025).
- Постников А. В. (2016). Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г. Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 17. С. 12-25.
- Потанин Г. Н. (1883). Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб.

- Рифтин Б.Л., Хасанова М. А., Юсупова И.И. (запись, перевод). *Дунганские народные сказки и предания*. М., 2013.
- Сергеева Е. Н. (2015). *Авгу-Багши: Жизнеописание Августы Дмитриевны Корнаковой в кругу Шевелёых, Бринеров, Токмаковых и её этнографические работы о Монголии*. Владивосток.
- Хангалов М. Н. (1890). Собачий пай в хлебе. *Записки ВСОРГО*. Иркутск, Т. 1, вып. 2. С. 84–85

Пас и вук у народној култури Руса руско-кинеско-монголског пограничја

Владимир Л. Кљаус

Резиме

У чланку се, на основу теренског материјала аутора и низа других извора који одражавају фолклорну традицију руског становништва руско-кинеско-монголског пограничног краја, анализирају представе о псу и вуку. Разноликост жанровских фолклорних облика у којима се налазе (бајке, митолошке приче, легенде, бајања, магијска средства, убеђења, веровања итд.) указује на то да су представе о овим животињама традиционалне у руској усменој култури. У сложеном скупу уочених представа, више позитивних квалитета се приписује псу него вуку. Аутор закључује да, упркос супротстављености вукова и паса у свакодневном животу (једни су грабљивци способни да униште человека и његову стоку, а други брачници), фолклорна грађа показује да се свет пса и свет вука у усменој традицији Руса проучаваног региона не укршта, да постоје као да су паралелни. Монголи, Бурјати и Кинези, са којима су Руси вековима живели у пограничним крајевима, имају своје митове, легенде и представе о вуковима и псима. Међутим, значајнији утицаји ових народа на руски фолклор још нису запажени.

Кључне речи: пас, вук, народна култура, Руси, руско-кинеско-монголско пограничје.

Dog and Wolf in the Russian Folklore of the Russian-Chinese-Mongolian Borderlands

Vladimir L. Klyaus

Summary

The article analyzes the dog and wolf representations based on the fieldwork material collected by the author and an array of other sources reflecting the folklore tradition of the Russian people living in the borderland area of Russia, China, and Mongolia. The diversity of folklore genre forms they are found in (fairy tales, mythological tales, legends, charms, magical props, convictions, beliefs, etc.) suggests that the representations of these animals are traditional for the Russian oral culture. In the complex set of identified representations, more positive qualities are ascribed to the dog than to the wolf. The author reaches the conclusion that despite the juxtaposition of wolves and dogs in everyday life (the former are vultures capable of destroying man and their cattle, and the latter are defenders), the folklore material showcases that the worlds of the dog and of the wolf do not intersect in the oral tradition of the Russians of the examined region, but, on the contrary, that they exist in parallel. The Mongolians, Buryats, and the Chinese, with whom the Russians have lived for centuries in the borderland areas, have their own myths, legends, and representations of wolves and dogs. However, it has not been noticed that they have had a more significant impact on Russian folklore.

Keywords: dog, wolf, folklore, the Russians, the Russian-Chinese-Mongolian borderlands.

Владимир Леонидович Кляус / Vladimir Leonidovich Klyaus

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук /
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science

E-mail: v.klyaus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

Примљено/Received: 3. 2. 2025.
Прихваћено/Accepted: 23. 4. 2025.